В. КОВАЛЬСКИЙ

КТО ПИСАЛ ПЬЕСЫ ШЕКСПИРА?

И вот за несколько дней до начала судебного разбирательства Марло оказывается в Дептфорде. Его сопровождает уже знакомая нам тройца—Инграм Фрейзер, Роберт Полей и Николай Скайрс.

Что и говорить, неподходящее общество для знаменитого драматурга и франта. Но дело в том, что все четверо были связаны общими узами—работали по заданиям Уолсингема. Часто встречались между собой, хорошо знали друг друга. И все-таки, если стычку между Фрейзером и Марло еще можно как-то понять, то сам факт убийства кажется плохо объяснимым.

Сразу же после этого Фрейзер был, правда, арестован, но уже через месяц выпущен и снова стал «работать» на Уолсингема. Странно, конечно, что «шеф» так легко простил ему убийство своего друга. Впрочем, быть может, что Уолсингем и приказал Фрейзеру убить драматурга? Скажем, опасаясь, что тот выдаст под пытками еще одного «любителя» атеистической литературы — самого Уолсингема. Но, с другой стороны, Марло, хорошо знавший Фрейзера, постарался бы, вероятно, избежать его общества, будь у него хоть какие-нибудь подозрения на этот счет. Как же тогда объяснить непонятное убийство?

ФИЛОЛОГ СТАНОВИТСЯ ДЕТЕКТИВОМ

Пытаясь раскрыть тайну убийства Марло, Гоффман выдвинул любопытную гипотезу. Он считает, что убийство было... инсценировано. Вот как филолог-детектив объясняет события.

Марло, зная, что его ожидает после суда, приехал в Дептфорд, договорившись предварительно обо всем с Уолсингемом. Там он вместе со своим спутниками и привел в исполнение тщательно продуманный план, одобренный и его шефом.

Как считает Гоффман, Фрейзер и его приятели заманили в таверну какого-то неизвестного, убили его и выдали труп за труп Марло. На основании их свидетельских показаний был составлен протокол о смерти Марло и дано разрешение похоронить его.

Итак, подданный королевы Елизаветы Кристофер Марло перестал существовать. Однако оставался в живых другой Кристофер Марло—поэт и драматург. Вынужденный жить под чужим именем (если бы это раскрылось, его ждала смерть!), он не мог подписывать свои произведения фамилией Марло. Надо было найти для него подставное лицо. И его друг Уолсингем нашел известного актера Вильяма Шекспира.

Полученные от Марло рукописи Уолсингем отдавал переписчику, а затем пересылал Шекспиру. В подтверждение этого Гоффман приводит любопытный довод: современный Шекспиру поэт Бен Джонсон сообщает, что в рукописях драматурга «не была исправлена ни одна строка». Другими словами, они были совершенно без помарок. Необычное авторское качество—любой писатель подтвердит, что так никогда не бывает. Впрочем, если рукописи переписывались после автора писцом-профессионалом, то ничего удивительного здесь, конечно, нет.

Так или иначе, но вскоре после смерти Марло появляются первые пьесы Шекспира, действие которых разворачивается в Италии. По мнению Гоффмана, и это обстоятельство служит в поддержку его гипотезы. В самом деле, разве не правдоподобно предположение, что после инсценированного убийства Марло покинул Англию и поселился в Италии? Любопытно, что Вильям Шекспир никогда не был на континенте и поэтому при написании «итальянских» пьес мог пользоваться только такими источниками, как книги, либо рассказы людей, бывавших в Италии. Но судя по пьесам, автор хорошо представляет обстановку, в которую помещает своих героев. Неужели ему было достаточно для этого книг и чужих рассказов?

Затем появляются сонеты. Содержание их до сих пор ставит шекспироведов в тупик. Если воспринимать их как метафору, то в них трудно что-либо понять, если же дословно—они не имеют ничего общего с известной нам фигурой Вильяма Шекспира.

Гипотеза Гоффмана неплохо объясняет и этот факт. Ведь в сонетах рассказывается о каком-то преступлении, изгнании, обмане, отчаянии. Поэт оплакивает свою судьбу скитальца, пишет о необходимости скрываться и об опасениях, которые гнетут его.

Что могли означать эти строки в устах актера Вильяма Шекспира, который в это время живет в Лондоне, находится в зените славы, богат, пользуется уважением окружающих его людей? Но зато как подходит все это к фигуре Марло-изгнанника!

Изучение текстов шекспировских пьес и сонетов навело Гоффмана еще на одну занятную мысль. Он утверждает, что Марло временами не мог одолеть побуждения сбросить маску и с собой, и с Вильяма Шекспира, незаслуженно пользовавшегося чужой славой.

В комедии «Как вам это понравится» есть персонаж по имени Вильям—единственный среди сотен героев шекспировских пьес человек с этим именем. Это глупец и простак, над которым все непрерывно подшучивают. Любопытно, что при жизни Шекспира эта пьеса не была опубликована. Гоффман обращает внимание и на то, что единственная пьеса, в которой Шекспир точно цитирует другого поэта, и этот поэт—Марло...

ПОИСКИ БЕСПОРНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Разумеется, исследователь понимал, что любые доказательства, которые основываются лишь на догадках и предположениях,—весьма шаткая вещь. Нужны были бесспорные доводы.

Несколько лет назад Гоффман узнал об одной любопытной находке в Кембридже. Во время прокладки труб в университетском парке землекопы нашли доску с портретом какого-то юноши. В левом верхнем углу удалось разобрать дату: «1585» и надпись «21 год». В 1585 году среди студентов Кембриджского университета был и Марло, ему тогда было как раз 21 год. Не его ли это портрет?

«Как только я увидел этот портрет,—пишет Гоффман,—я поймал себя на мысли, что уже где-то видел это лицо. И тут же вспомнил. На гравюре Дрешота в первом издании пьес Шекспира! Разумеется, я не поверил самому себе. Тогда я позвал найденный портрет и гравюру группе английских портретистов, ничего не говоря им о своих предположениях; они заявили как один, что это изображение одного и того же человека».

Гоффман не удовлетворился суждением художников. Он обратился за консультацией к криминалистам. Экспертиза показала, что оба портрета вполне могут изображать одно и то же лицо. Различие было не большим, чем между портретами человека в двадцатилетнем и сорокалетнем возрасте.

Любопытно отметить, что гравюра Дрешота несколько не напоминает бюст Шекспира, установленный в Стратфорде, на его родине. Этот бюст сделали братья Джонсон; их мастерская находилась в нескольких шагах от театра «Глобус», и они хорошо знали Шекспира в лицо.

Гоффман объясняет это обстоятельство следующим образом. Когда умер Шекспир, Дрешоту было лишь 15 лет. Вряд ли ему в таком возрасте могли заказать гравюру к книге. По-видимому, он вырезал ее только спустя несколько лет, перерисовав лицо с какого-то другого портрета.

Что это был за портрет и как он попал к Дрешоту? Вероятнее всего, продолжает свою мысль Гоффман, художнику этот портрет дал человек, заботой которого вышло в свет первое издание пьес. Зная их истинного автора, он мог позаботиться и о том, чтобы на гравюре был изображен не тот, под чьим именем пьесы выходили в свет, а тот, кто писал их.

Так ученый пришел к загадке человека, бывшего своеобразным душеприказчиком автора пьес. Некоторые факты позволяют предположить, что им был сам Уолсингем. Во всяком случае, он имел какое-то отношение к рукописям, пока они не исчезли. Кстати, их исчезновение—это еще одна неразгаданная тайна. На ней и сомкнулся круг догадок Гоффмана.

Он полагает, что Уолсингем—близкий друг Марло, истинного автора пьес, по мнению Гоффмана,—мог подумать и о том, что когда-нибудь тайна авторства будет раскрыта. Разумеется, это должно было случиться лишь после того, как Марло умрет в изгнании и умрет сам Уолсингем. Последнее понятно: ведь он тоже замешан в «спектакле» с мнимым убийством.

Как мог в таком случае поступить Уолсингем? Да вот как: например, распорядиться, чтобы вместе с ним в фамильный склеп, где он должен быть похоронен, опустили, скажем, ларец с соответствующими документами. Можно было надеяться, что когда склеп станут вскрывать, чтобы похоронить следующего из семьи Уолсингемов, кто-нибудь заинтересуется ларцом, и тогда...

Гоффман рассказал о своей гипотезе епископу Рочестерскому и попросил разрешения вскрыть склеп Уолсингемов. Епископ, выслушав его, заявил, что ничего не будет иметь против, если только на это согласится каноник Ламм, в ведомстве которого находится часовня со склепом.

Каноник встретил ученого настороженно: вероятно, епископ успел предупредить его и дать соответствующие указания. Гоффман поведал и ему историю своих поисков. «Нет,—сказал Ламм,—я не разрешу вскрыть склеп». Ученый не ожидал отказа. Он пожелал знать причину. Каноник пожал плечами. Пожалуйста. Разумеется, он не верит, что Гоффман найдет у гроба Уолсингема то, что ищет. Во всяком случае, в душе он желает, чтобы было именно так. И вот почему. Предположим, удастся доказать, что автор «Гамлета», скажем, не Шекспир, а Марло. Всплывут подробности невероятной человеческой драмы. А кто ее виновник? Церковь, скажут многие. Ведь Марло, если верить Гоффману, пошел на мистификацию, потому что ему грозила смерть за безбожие. Мало ли какие еще неожиданные и неугодные церкви документы могут быть обнаружены в склепе бывшего шефа охранны.

Гоффман пробовал уговорить Ламма, но безуспешно. На все доводы каноник отвечал: «Есть у вас документы, свидетельствующие, что рукописи находятся в склепе?» В конце концов, ученый не выдержал и ответил тоже вопросом: «Есть ли у вас документы, свидетельствующие, что есть бог?» Каноник чуть не задохнулся от ярости, услышав столь богохульный вопрос. На этом разговор был окончен.

Бесспорно, что вскрытие склепа Уолсингемов в любом случае будет способствовать установлению истины. Противники гипотезы Гоффмана убеждены, что склеп не хранит в себе сенсаций и будет свидетельствовать в пользу Шекспира. Но каноник Ламм неумолим.

Трудно сказать, прав ли Гоффман в своих догадках. Однако ученому нельзя отказать в праве выдвигать гипотезы и стараться обосновывать их.